

Григорий Яблонский

Дочь Одессы Аня Яблонская

Первая книжка

Когда в интернет-журнале «Хата» было сказано о том, что первая книжка Ани Яблонской вышла, когда ей было 14 лет, появились комментарии и стали приходить письма с просьбой: «Покажите эту книжку!».

Открыли уцелевший экземпляр, стали бережно переводить в «цифру» страницу за страницей из памятного издания РИО кинокомпании «Юг» – тиражом в целую тысячу экземпляров. Было это в Одессе весной 1996 года...

Конечно, осталось в памяти, что потом сама Аня, издавая новые поэтические сборники, публикуя рассказы сначала в одесском журнале «Фонтан», а затем свои эссе в «толстом» журнале «Октябрь», наконец, создавая свои пьесы, которые стали побеждать в отдаленно-престижных драматургических конкурсах и театральных залах, – Аня относилась к своей первой книжке «не очень»...

Наверное, все это нормально и правильно. Как правильно и то, что уже в детстве многое бывает видно. Вот строки из предисловия Аниного школьного учителя Алины Протасевич: «Раскройте книжку Ани Яблонской – и вы узнаете человека с душой необъятной и чистой. Вы можете даже поразиться: какой жизненный путь надо пройти и какой житейский опыт иметь, чтобы так писать?! Не каждому одаренному зрелому человеку это удастся... Ну, а о том, как растет сама Аннушка, лучше всего говорит стихотворение «О бесстрашном ветре»:

Страх! Под его тяжестью сгибается орешник,
Он сердце рвет идущему на плаху.

Ему подвластны праведник и грешник.
Лишь ветер не подвластен страху.

Потоки воздуха несутся впереди,
Они не чувствуют бессилья, дрожи, гнета.
И нету страха в ветреной груди,
Есть только чувство вечного полета.

Я ветром сизокрылым быть хочу,
Мне хватит лишь невидимого взмаха.
Я в высь шальную с ветром полечу –
И буду не подвластна силе страха.

Но полечу лишь в снах своих, наверное,
Ведь падала однажды, как звезда.
А кто боится, тот не станет ветром,
И не взлетит на ветре никогда...

Юридическая академия и театр «Тур-де-Форс»

Со второй Аниной книгой стихов, изданной в годы ее студенчества в ОНЮА в издательстве самого вуза, связан вот какой давний вопрос: «А почему юридическая академия, а не филфак?».

Такой вариант по окончании школы у Ани, конечно, был, но... в семье, где литературу любили, ею жили, но не меньше творчества вкладывали в профессиональную журналистику, на выбор образования дочки повлияли суждения ироничных друзей-журналистов. О том, что настоящее умение писать – это Божий дар, и он никак не зависит от полученного диплома. И значит, гораздо важнее, если разбираешься в том, о чем пишешь. Короче, жизнь надо знать.

Вот Одесская юракадемия и преподнесла свой взаимный подарок миру поэзии, издав вторую книгу стихов Анны Яблонской «Предчувствие любви» с проникновенным предисловием самого ректора. В своем деликатно недлинном вступительном слове доктор юрнauк Сергей Кивалов не без сожаления сказал о том, что в будничной суете мы часто отрываемся от того главного, что должно нас на-

полнять, – от духовности то есть. Поэтому обращение к стиху, особенно прекрасному, является для нас очищением. И именно такова поэзия студентки Ани Яблонской. А еще профессор Кивалов обратил внимание на то, что у нее хорошая литературная школа .

Но со студенческой скромностью, как в стихотворении «Этажи»:

Опять по улицам брожу,
Считаю этажи я
И наизусть стихи твержу –
Нет, не свои, чужие...

Примочки делаю душе:
Танку и рубаи,
Вновь чьи-то рифмы и клише,
Но только не мои...

А ночь длинна иль коротка?
Но снова слов игра,
Вновь гениальная строка
Не моего пера...

Но греет мысль: смогу прожить,
Чтоб помнили меня
И шли, считая этажи,
Мои стихи бубня.

Но это не всё про Одесскую национальную юридическую академию. Жизнь и творчество Ани в студенческие годы тесно связались еще и с театром, с магией сцены. Легендарный одесский студенческий театр «Тур-де-Форс» тоже начинался там. Оттуда Аня вынесла и свое неизбежное обращение к драматургии...

Непровинциальная провинциалка

С ясных детских лет Аня любила зеленые большефонтанские улочки с виноградными лозами вокруг скромных еще (в то время) домиков, с помидорами на огородиках. Любила свое море,

к которому можно было везде пройти, а по открытому берегу катить на велосипеде от 16-й станции хоть до Аркадии или до самого Ланжерона. Любила Аня и большие улицы этого города, и когда поднялась чуть выше ученицы младших классов 29-й школы на Люстдорфской дороге, когда приобрела там звание юного поэта... то стала на первоапрельские «Юморины» и Дни города – которые 2 сентября – самостоятельно добираться из своего Таировского массива до Дерибасовской и Ришельевской. И идти по этим очень центральным улицам (хотя в Одессе это все очень условно) вместе с интересными людьми, умеющими обо всем сказать так, как больше нигде и не скажут. За это Аня полюбила людей своего города – раз и навсегда. Она потом говорила, что настоящий театр в Одессе не в здешних театрах, а на улицах, возле хлебных будок, на Южном рынке, ну, и конечно, на Привозе!..

Потом эти и другие настоящие люди заговорили в необычных, мягко говоря, Аниных пьесах и киносценариях. Почему таких? Один догадливый театральный критик сказал, что у одесситки Ани, к здешнему редкому творческому счастью, совершенно нет привязной «одесскости», провинциальности. Это было тогда, когда уже увидела свет ее проза в толстых журналах за пределами родной Одессы и Украины, когда разлетались ее стихи по всему Интернету, а Анина драматургия, оказавшись в первом ряду «новой волны», стала выходить на сцены авангардных театров всей Европы. Если по подробной карте, то это, например, от удмуртского города Глазова с его театром «Парафраз» до Лондона с его Ройял-Кортом и обратно – до Перми, Челябинска и даже до Херсона. Но точно без заезда в Одессу...

А Аня – «непровинциальная провинциалка» – продолжала жить и писать свои очень особенные сценические «вещи» (так выражаются знатоки со стажем) в родном городе. Она, дочь Одессы, любила свой город, хотя во многом – очень-очень для нее необходимом – он не отвечал ей никакой взаимностью. Поэтому приходилось часто летать. В 15 лет Аня совершила даже прыжок с парашютом (полученный как приз на одесском творческом конкурсе «Мисс Пресса»), но, став признанным авангардным драматургом, призналась, что летать боится. Она радовалась каждому возвращению домой – в город, где она могла только жить, любить

и писать. Где родилась в 2008 году ее дочка Машенька, про которую бабушка Вера Андреевна говорит: «Вылитая Аня»...

Вот Анин «детский» рассказ, написанный в 2010 году по просьбе «Петербургского театрального журнала».

Одесса на театральной карте мира

Мне страшно. Я не понимаю, зачем я должна здесь сидеть: в темноте, в узком проходе, вцепившись в золоченые подлокотники кресла. Почему нельзя просто взять и уйти? Почему мы все сдавали на это деньги? Почему на меня шикает Наталья Макаровна, когда я нервно смеюсь, от страха поджимая коленки?

Происходит что-то плохое. Огромное мохнатое чудовище ревет истошным голосом, пытаюсь влезть в крохотный дощатый домик, где уже примостились какие-то ужасные пожилые существа – у одного к голове приклеены уродливые уши, позади виснет облезлый хвост, оно отвратительно пищит. Другое, в зеленом, квакает, вываливая гигантский красный язык и прыгает, как ошпаренное. Рядом, сгорбившись, беспокойно клокочет что-то свое высокий тощий заяц с проплешинами между ушей. Вся эта недобрая живность находится совсем рядом, в опасной близости от меня, и все режут, кричат, размахивают лапами. Они вот-вот разрушат маленький домик, очевидно не предназначенный для того, чтобы там тусовались все эти дикие твари.

И еще эта музыка откуда-то снизу. Музыка, похожая на скрипы всех на свете дверей. Мне сказали, что это звучит «из ямы», но про то, что в эту «яму» музыкантов сбросил медведь (для того, наверное, чтобы потом сожрать), а эти скрипы – олицетворение предсмертной агонии – об этом я уже сама догадалась.

Меня давно мутит и хочется выйти, но время тянется так медленно, звери продолжают орать и петь, и в этом оре не разобрать ни одного человеческого слова, и совсем невыносимо сжимается сердце, когда медведь начинает лезть на крышу углового строения...

Я закрываю глаза. Но тут же слышу оглушительный грохот: так и есть – теремок пал. Значит, сейчас вся нечисть ринется в зал и сожрет нас, как марципановых человечков. Но вдруг музыка прекращается, за-

жигается свет – Медведь, Лягушка, Мышь и прочие животные кланяются, машут нам лапами из искусственного меха и папье-маше, делают реверансы, посылают воздушные поцелуи. Мои одноклассники аплодируют, и я тоже аплодирую (я рада, что все закончилось, и мы остались живы). Наконец нам разрешается встать и последовать к выходу.

Перед спектаклем Наталья Макаровна сообщила классу, что одесский оперный театр уступает по красоте лишь итальянскому Ла Скала и считается одним из красивейших в мире зданий. Но, протискиваясь в толпе таких же, как и я, восьмилетних людей, я совсем не думаю о театральной красоте, а думаю только о том, как бы поскорее оказаться на воздухе. Я не рассматриваю удивительный расписной сводчатый потолок, красно-бархатный и сусально-золоченый зал, лепные балконы – изящные, словно парящие в воздухе. Я ничего этого не вижу. Я настолько поражена зрелищем под названием «спектакль для детей младшего школьного возраста «Теремок», что меня не интересует красота архитектуры – я охвачена ужасом и принимаю серьезное решение: больше никогда в жизни по доброй воле в театр не ходить.

Я выхожу на улицу и смотрю на Оперный, который уже давно стоит в лесах (и простоит так еще лет пятнадцать, все мое детство и юность). Я сравниваю свои впечатления от спектакля «Теремок» с недавно увиденным кинофильмом «Кинг-Конг» (какие-то энтузиасты транслировали его в актовом зале нашей средней школы). И это сравнение не в пользу «Теремка».

В том черно-белом фильме (1933 год, режиссеры Мэрион Купер и Эрнст Шодсак) гигантская горилла влюбляется в девушку по имени Энн (меня тоже зовут Аня, это же по-английски Энн, я помню об этом все время, пока смотрю на экран), но гориллу усыпляют газом и на пароходе отправляют в Нью-Йорк, чтобы за деньги показывать публике. Когда обезьяна пробуждается и видит красавицу, то срывает кандалы, врывается в город и крушит все на своем пути.

Я понимаю, что сцена, в которой оперный медведь лезет на крышу «Теремка», даже на йоту не может приблизиться к моменту, в котором Кинг-Конг влезает на Эмпайр-Стейт-билдинг. Странно: и то, и другое зрелище вызывает ужас, но от фильма невозможно оторваться, а спектакль начинаешь ненавидеть с первой минуты. Это – мое первое театральное впечатление.

Второе случилось в десятом классе. Мне пятнадцать лет, я стою за кулисами того самого актового зала, где много лет назад впервые увидела небезызвестную американскую гориллу, и держу в руках здоровенный кусок ржавой металлической трубы. Труба тяжелая, я почти надорвалась, но все-таки крепко держу эту железяку, одним глазом наблюдая за происходящим на сцене. Там одноклассники разыгрывают пьесу моего собственного сочинения. Пьеса душераздирающая: двое парней из одной школы любят девушку из другой школы, а заканчивается все тем, что какой-то из подростков достает пистолет (только не спрашивайте, где он его взял) и палит в другого подростка. Так вот, когда мои актеры изображают смертоубийство, используя для этого купленный на рынке детский «пестик», я, приняв на себя не только драматургию с режиссурой, но и спецэффекты этой постановки, роняю себе на ногу железную трубу, в надежде имитировать звук выстрела. Дальше не помню. Кажется, это был провал.

В общем, мне ли роптать на театр, точнее, мне ли роптать на то, что происходящее в одесских театрах – это до сих пор нечто среднее между оперой «Теремок» и школьной самодеятельностью, если я сама еще в старших классах школы приложила к этому руку? Мне ли жаловаться, если одесские афиши пестрят именами только Шекспира и Чехова? Провинциальные театры всегда берутся за «Ричарда III» или «Дядю Ваню» и ставят их «по всем правилам» – в пыльных кринолинах и бархатных панталонах.

А за окнами одесских театров есть настоящая жизнь. В ней на каждом шагу разыгрываются такие «спектакли», которым позавидовали бы самые искусные актеры дель-арте.

Этот город полон театра, он дышит им. Театр есть в каждом стареньком дворике (которых, правда, осталось так мало, что можно сосчитать по пальцам), где вечно сушатся на веревках белые простыни в голубой цветочек. Он есть на остановках, рынках, вокзалах, в ЖЭКах и в почтовых отделениях – везде-везде, кроме разве что тех красивых зданий с колоннами, на которых написано «Театр».

Конечно, нельзя сказать, что в родном городе я не видела ни одного хорошего спектакля. Видела. Целых пять. Правда, все они были в одном месте – в Украинском драматическом театре имени Василько. «Эдип», «Что им Гекуба?», «Счастье рядом», «Гамлет» в по-

становке киевского режиссера Дмитрия Богомазова. И еще «Украинский декамерон» в постановке Влада Троицкого, тоже приглашенного из Киева. Спасибо руководству театра за то, что иногда зовут к нам этих режиссеров. В другие театры Одессы их не зовут никогда.

Будет ли новостью для моих коллег из других провинциальных городов тот факт, что завлиты наших театров слыхом не слыхивали о современной драматургии и при одном упоминании о ней крестятся? «Знаем мы ваши современные пьесы: сплошной мат, бомжи и проститутки». Что тут ответишь? Попытаться переубедить, обивать пороги, стучаться в кабинеты, носить пьесы, надеясь, что их кто-нибудь станет читать, параллельно искать приюта (площадок) в каких-нибудь подвалах, бежать «в Москву, в Москву»? Я пробовала разные варианты, но у меня пока ничего не получилось.

Да нет, я не слишком-то огорчаюсь. Я просто не могу отсюда уехать. Я люблю это место, я иду по улице, я слышу, как и о чем говорят люди, и никто не сможет убедить меня в том, что на театре нужно показывать какую-то «другую» несуществующую жизнь.

Мой город – очень театральный город. Стоит ли сожалеть о том, что этот реальный жизненный театр нельзя загнать на подмостки? Не знаю. Но пока это так, мы по-прежнему сокрушительно проигрываем Кинг-Конгу.

Кто боится Анну Яблонскую?

Оказывается, не только Глазову и Лондону, Петербургу и Таллинну, Перми и Москве, но и Одессе нужен театр, который говорит языком улиц и площадей, кухонь и офисов, который осмеливается заглядывать и в загаженные ложью и коррупцией коридоры власти. В ее грязные стойла. Непривычно это, боязно, уши закладывает? Вон и в Челябинске на премьере Аниного «Чацкого-Камчатского» отдельные перепуганные хранители театральной речи стали шикать на сайте молодежного театра «Манекен»: «Как можно-с?!». Вот и в Одессе первый наш отважный режиссер-постановщик – киевлянин Сергей Проскурня, работавший с одесскими актерами-добровольцами вне рамок какого-либо здешне-

го театра, заранее предупреждал уважаемую публику о ненормативной лексике в сценах спектакля «Террористы», которая ставилась по пьесе Яблонской «Язычники». А что, разве за этими сценами и театральными стенами мы живем в «нормативном» мире? И разве можно исправить этот уродливо перекошенный мир здешнего недоношенного дикого капитализма без всей правды о нем?

Тут, простите за неоднозначное сравнение, приходит на память пьеса драматурга Эдварда Олби, которая в Америке 60-х годов прошлого века стала причиной ну очень большого и не только театрального скандала. Там автор осмелился вытащить на сцену, а потом и на киноэкран всего лишь правду о морали «их приличного общества». Поэтому спектакль «Кто боится Вирджинии Вульф?» был сыгран не меньше тысячи раз, а его экранизация побила все рекорды киношного успеха тех времен! Ну, и моральный фактор...

Так кто у нас боится драматурга Анну Яблонскую?

Р. С. Послесловие к статье в интернет-журнале «Хата» «Светлая душа Ани и серые земные будни»

...Одесса, которая очень велика, – настолько, что в ней еще теплится культурная жизнь, – она не может называть свою славную дочь Анну Яблонскую никак иначе. Потому что это не «псевдоним», как писали в некоторых СМИ и интернет-ресурсах. И не только «девичья фамилия», как, кажется, пыталась выйти из положения Википедия. Когда уходит из жизни Поэт, Писатель, Драматург, Артист, его имя на бронзе или на камне точно соответствует его славному творческому имени. По этому неизблемому правилу урожденная Анна Горенко покоится под Петербургом как Анна Ахматова, но Анна Яблонская должна покоиться в родной одесской земле со своим первым и неизменным творческим именем. (Иное, если сильно хочется, можно писать в скобочках.)

Опять же, поскольку речь идет о правиле неписаном, Одесса должна сказать свое веское слово, когда взамен временного деревянного креста с надписью «Анна Машутина» будут сооружать памятник Анне Яблонской. А может, и какой-нибудь одесский переулочек ее именем назовут.